

Лит. газ. - 1994, - 14 сент. - с. 8.

Наш мучитель

"Тихие страницы" Александра Сокурова

ЕСЛИ БЫ можно было сделать на жизни надрез, как на теле, и направить в эту щель фонарь — это были бы "Тихие страницы" Александра Сокурова. Если бы можно было сделать заставку ко всей русской литературе — то это "Тихие страницы". Заставка не хуже пушкинского: "там чудеса: там леший бродит..."

Вроде бы частность, ремарка, а "Тихие страницы" — это, конечно, развернутая ремарка. Например, "говорит, задыхаясь", — вот это задыхание, чуть ли не

момент между вдохом и выдохом, запечатлено.

Эта частность, ремарка приобретает эмблематический характер. "Тихие страницы" — ремизовский опознавательный знак, неповторимая грамотка Обезьяньей палаты. Так и хочется издать Достоевского с картинками — кадрами из "Тихих страниц". И Чехова. И Пушкина. И Блока, господи. Потому что они все есть в этом фильме — энциклопедия русской жизни.

Быстрое движение скальпеля — надрез на теле жизни — и мы увидели чистилище. Там движутся души. Это броуновское движение сущностей, поэтому когда выясняется, что они говорят человеческим языком, — диву даешься.

Мы смотрим с вами фильм, где почти нет текста. И тем не менее как будто все время слышим чей-то высокий и чистый голос, говорящий, притом, кажется, по-русски. И парадоксально — никто еще не добивался такой чистоты речи, как Сокуров в этом почти немом (в смысле речи) фильме. Просто речь как будто переведена в другую плоскость.

Здесь все речь, все дыхание, кроме самой речи, неожиданно возвращающей нас в отживший мир (для Сокурова и нас вместе с ним) обычного диалога, который вдруг в его мире, в котором одни души обитают, звучит как явный анахронизм. И хотя сценарист Ю. Арабов и диалоги Достоевского сумел свести до сущного (очень тактично это сделал),

тем не менее Сокуров — это то ли "после речи", то ли "до". Кажется, что его герои не должны говорить, потому что они не люди в обычном смысле этого слова.

"Тихие страницы" — это погружение в состояние транса, когда начинают бормотать на неизвестном языке или транслировать вести с других планет. Это случай художника в роли чревоушителя.

"Тихие страницы" — это пауза перед эпилептическим припадком, момент сиюминутности со всем сущим, который у этого художника каждый раз достигается поразному — любовью, силой, молитвой.

"Тихие страницы" — это прощание. С чем? С кинематографом? С речью? С любовью? С прежними формами жизни и творчества?..

И "Камень" — прощание. И "Круг второй". Это их объединяет. "Вновь я посетил тот уголок земли..."

И, наконец, "Тихие страницы" — это Благовещение. Только очень российское. Нам с вами весть жалости и любви.

Конечно, слышна и речь Достоевского, его обморочное дыхание. Но не случайно сказано, что картина снята "по страницам русской прозы" (хотя сюжет только из Достоевского). Но тут и Пушкин, потому что сокуровский Раскольников — это, конечно, и пушкинский Евгений из "Медного всадника", только тот забирается на льва, чтоб не захлестнуло, а этот — куда-то в материнское лоно к каменной львице прячется, к ее каменным сосцам (обратите внимание — там

лев, здесь львица), и она обнимает его своими каменными лапами.

И еще львица — это и пушкинская "неведомая зверюшка". И вот стоит этот "неведом зверь", а около него — петербургская толпа, все типы XIX века с Сенной площади. Идет толпа, а зверюга над ней, сказочная, гадательная, и морда этой львицы — это морда русской жизни.

На наших глазах — архетип этой жизни, как ее увидели из космоса. Она состоит из поэмки, лестницы, канцелярии и мордобоя. В каземате канцелярии — чиновник с газетой, и сквозь тело чиновника — гондолы, голубой свет небес — "Венеция сквозит"...

А надо всем этим — музыка Малера, "Песни об умерших детях", написанные, когда умерли его дети (поэт Лина Мкртчян). Это музыка небесных сфер, холодным и чистым голосом передано самое жгучее страдание на свете, — это струя горячей крови, заливающая необитаемую вселенную. А вот и мы, маленький туманный шарик, не вполне четкий на сером фоне мироздания. И если приглядеться, там можно найти силуэт города Петербурга с куполами церквей, где мы мучаемся, любим и бездомны.

Режиссер Александр Сокуров — наш мучитель. Он мучает нас своим холодом и жаром, аскезой и свободой, он говорит с нами на языке, на котором Господь говорил с возлюбленными им, — он подает нам знаки. Его фильмы — это соляные столпы и горящие кусты. Это иногда обет, зашифрованный в целый фильм — как в "Камень", ибо "Камень" — это фильм о тяжести обета молчания, о кресте любящего нас. Он формулирует нашу жизнь в небесные формулы. Он все более и более лаконичен. Его искусство погранично.

В какие бездны он смотрит?.. Как заговорит дальше?

Анна КИСЛОВА

204